

Будущее цветной расы в Америке - статья в Пресвитерианском ежеквартальном обзоре за июль 1862 г.

Уильям Эйкман

The Future of the Colored Race in America

William Aikman

Электронная книга проекта Гутенберга о будущем цветной расы в Америке

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Будущее цветной расы в Америке

Автор: Уильям Эйкман

Дата выхода: 1 мая 2003 г. [Электронная книга № 4055]

Последнее обновление: 27 декабря 2020 г.

Язык: Английский

В титрах: Продюсер Уильям Фишберн

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "БУДУЩЕЕ ЦВЕТНОЙ РАСЫ В АМЕРИКЕ" ***

Продюсер: Уильям Фишберн (william.fishburne@verizon.net)

БУДУЩЕЕ ЦВЕТНОЙ РАСЫ В АМЕРИКЕ.

АВТОР УИЛЬЯМ ЭЙКМАН, пастор пресвитерианской церкви на Ганновер-стрит, Уилмингтон, Делавэр.

Каким бы образом ни закончилась нынешняя гражданская война в Америке, несомненно, что будущее положение цветной расы в этой стране будет вопросом, преобладающим над всеми остальными на долгие годы вперед. Она уже выдвинула себя на первое место. Как бы ни было правдиво, что рабство и негры не были непосредственными причинами этой войны, ни один человек, который хоть сколько-нибудь искренне задумывается над этим вопросом, не может не признать тот факт, что, помимо всего прочего, это является ее первым грандиозным событием. Если бы не было рабства, не было бы и войны. Генерал Джексон был прав лишь отчасти, когда сказал, что, хотя в его время тариф был сделан предлогом отделения, и что мало-помалу рабство займет его место, но ни то, ни другое не будет истинным мотивом разобщения; что желание отдельной конфедерации было конечной причиной. Это было очевидно правильно, и все же, если бы в этой стране не существовало рабства, не возникло бы того особого состояния общества, которое сейчас существует в Южных Штатах и которое самым своим существованием требует единоличного правления. Рабство создало аристократию, основанную не на численности, а на богатстве и власти, которая опирается на все социальные силы. В то время как рабовладельцы составляют лишь очень незначительное меньшинство от всего народа, тем

не менее, благодаря своему богатству и тому факту, что они являются рабовладельцами, они обладают всей политической властью и действительно, сметают с лица земли любую оппозицию. На всем Юге есть, за очень редкими исключениями, только два класса — свободные и рабы, или, мы можем сказать, рабовладельцы и рабы, ибо не рабовладельцы полностью потеряны и поглощены все контролирующим элементом, который находится над ними; они работают с ним и действительно являются его частью. Как рабство вызвало к существованию эту аристократию и создало ее власть, так оно и удерживает ее в бытии; все, что наносит удар по рабству, наносит удар в корень этой власти; уничтожить рабство означало бы стереть его с лица земли.

Вокруг этого момента ведется все соревнование, и только исходя из него следует интерпретировать каждое движение. Во времена отмены пошлины в Южной Каролине действительно был предлогом для восстания, и истинным мотивом было отдельное правительство и сохранение власти господствующего класса, но эта власть полностью зависела от статуса рабства, и поэтому уже тогда за всем рабством стояла мысль, а укрепление рабства — великая цель. В этом мы находим точное объяснение тщательно изученным и настойчивым усилиям по ее расширению и увековечиванию не потому, что она вызывает восхищение сама по себе или потому, что считается политически или социально полезной, а потому, что она является краеугольным камнем ценного социального государства. Мой друг, несколько лет назад плывший вниз по Потомаку, разговорился с капитаном судна, прямолинейным южанином, и, глядя на прекрасный пейзаж по обе стороны реки, спросил: "Почему вы, виргинцы, цепляетесь за рабство? тысячу раз жаль, что такая страна, как эта, так плохо используется". "Я знаю это, — ответил капитан, — рабство разрушает государство; но факт в том, что нам это нравится; человек чувствует себя хорошо, когда у него есть двадцать или пятьдесят негров, и он может сказать одному уходи, и он уходит, а другому приходи, и он приходит". Здесь вся философия социального государства Юга заключена в ореховой скорлупе. Отказаться от рабства — значит отказаться от положения, которое двести лет принадлежало знати. Ничто, кроме крайней необходимости, не приведет к этому. От этого никогда нельзя отказаться добровольно; вся сила человеческой природы против этого отказа. С таким же успехом можно ожидать, что английская знать откажется от своих титулов и корон под влиянием убеждения. Вот случай, когда аргументы бессильны. Вы можете исчерпать это, вы можете доказать, что рабство неправильно морально, неправильно социально, неправильно политически, вы можете наглядно доказать, что это экономическая ошибка самых гигантских масштабов, вы можете сделать ясным, как солнечный свет, что оно деморализует и разоряет, но вы абсолютно ничего не сделали для его отмены. То тут, то там по-настоящему добросовестный мужчина или женщина, находясь под огромным давлением долга, согласятся на освобождение своих рабов; но общественная совесть настолько эфемерна, что ее нельзя затронуть никакими призывами к долгу или повинности, и она никогда не заставит сообщество совершить какую-либо великую работу, тем более такую, как эта.

Влияние освобождения своих рабов на социальное положение хозяина наблюдалось снова и снова; час, когда разрываются узы и дается свобода, — это час, когда прекращаются все прежние связи; экспатриация и изгнание являются неизбежными результатами. Великодушный или добросовестный освободитель сразу же становится изгнанником; он сразу же вышел из аристократии, от титульной власти которой он отказался в тот момент, когда перестал быть рабовладельцем, и он не может комфортно жить даже в своем старом доме. Вот объяснение огромной и неожиданной силы, проявленной этим восстанием, непокоренной воли, огромных

принесенных жертв; вот объяснение кажущегося безумия борьбы, неоправданности ее действий, демонической свирепости ее гнева и дьявольской злобности и жестокости ее методов ведения войны; это смертельная борьба огромного социального элемента, для которого быть побежденным означает быть уничтоженным и стертым с лица земли.

Ни один человек не понимал этого так хорошо и так скоро, как великий Аннулирующий. Он был мыслителем и философом, и поэтому с большой логической последовательностью стал первым автором доктрины рабства, которой сейчас почти повсеместно придерживаются на Юге. Он поразил и шокировал людей своего времени своей смелой позицией в отношении этого института и намного опередил свое время в своих утверждениях о присущей ему законности и решимости не только покончить с ним, но и расширить, укрепить и увековечить его. Он был аннулирующим, потому что в принципе был рабовладельцем. Одно выросло из другого и было его частью. Поддержание олигархии было конечной целью, которая зиждилась на рабстве, и поэтому так называемые "государственные права" и божественное право на рабство шли рука об руку.

Это поразительно очевидно в истории нынешней войны. Стремительному росту и кульминации восстания в действии предшествовало новое провозглашение этих доктрин Кэлхуна о рабстве. Мы хорошо помним, как странно это звучало и как поразительно прозвучало на Генеральной Ассамблее всего лишь в 1856 году, когда рабство было объявлено институтом, не нуждающимся в защите или извинениях, но заслуживающим восхваления и оправдания как поистине Божье установление, как брак или сыновние отношения. Церковь раньше не знала подобной доктрины, а затем извергла ее из своих уст, но ее серьезно придерживались и яростно и дерзко признавали. За этим последовал раскол как логическое следствие. Весьма примечательно, насколько быстрой была перемена в общественных настроениях. Эта новая доктрина о правомерности рабства охватила все Южные Штаты за несколько месяцев, политики, филантропы, министры внезапно осознали, что они все это время ошибались, считая рабство злом, и надеялись, что когда-нибудь от него избавятся, что они были неправы, говоря об "абстрактном противостоянии рабству", это было абстрактно не неправильно, а правильно; они ошибались, сожалея об обстоятельствах, из-за которых освобождение не должно быть желанием. Эта смена настроений и доктрины была не постепенной, а внезапной; она происходила со скоростью телеграфа. Причина заключалась в том, что события давили на аристократию Юга и угрожали ее уничтожением. Рабство перестало быть доминирующей силой в федеральном законодательстве, и социальное государство, основанное на нем, пошатнулось до основания. Оставалось сделать только одно, и это было создание нового правительства, краеугольным камнем которого должно было стать рабство. И это не было случайностью или капризом, а просто необходимостью. Состояние общества, которое стремились поддерживать, берет свое начало в рабстве, и рабство не могло не быть поставлено на первое место. Александр Стивенс понимал и себя, и то, что он имел в виду, когда говорил людям и всему миру, что они до сих пор понимали эту вещь. Раньше они стремились сохранить свое социальное государство и только терпимо относились к рабству, они не понимали, что от этого зависит все; здесь был истинный краеугольный камень, который отвергли прежние строители, но который они теперь делали во главе угла. Исход отделения был предрешен задолго до того, как он произошел на самом деле: так это понимали мыслящие люди по всему Югу, и внезапное распространение новой доктрины о рабстве было необходимой подготовкой к нему.

Таким образом, тот, кто не принимает рабство во внимание в своих размышлениях об этой войне, даже не начал понимать, что это значит; тот, кто упускает это из виду при ее урегулировании, не продвинется ни на шаг. Его происхождение было в рабстве, его происхождение можно найти только в том случае, если оно связано с рабством. Могут быть, как это уже было, тысячи попыток избежать этого вопроса, благодаря огромной силе огромного предубеждения, но события рано или поздно заставят каждого человека, хочет он того или нет, посмотреть этому в лицо. Мы говорим "предрассудок", потому что в этом случае, как и во всей истории, имя приобрело почти безграничную силу. Интерес к рабству в течение долгих лет и благодаря настойчивым усилиям создавался термин ужасающего значения, и им пользовались с огромной силой, — мы имеем в виду слово "Аболиционист". История знала случаи, когда термин превращался в контрольное слово и менялась династия, но никогда еще слово не произносилось с таким эффектом на благосостояние нации, как это. Было время, когда на Юге, так же как и на Севере, быть "абелиционистом", членом "Общества отмены смертной казни", не было не только чем-то странным, но и позицией, которую занимали передовые люди, и без мысли о том, что они могут быть изменены даже при малейшем порицании своих коллег. Джефферсон и Пикни, а также Джей и Адамс были абелиционистами как по названию, так и фактически. В Делавэре, Мэриленде и Вирджинии были свои Общества по отмене смертной казни, и лучшие и величайшие люди были их членами. Но с течением лет рабство все изменило. Олигархия осознала грозившую ей опасность, и сначала постепенно, все более и более открыто, эти общества подвергались нападкам или подавлению, пока они со смертью великих людей, которые их основали, не прекратили свое существование, возможно, никто точно не знал, каким образом. Затем началась буря оскорблений и анафем, направленных против всех, кто осмеливался придерживаться или, по крайней мере, высказывать чувства, противоположные рабству. Слова "Отмена" и "абелиционист" разносились эхом и выли до тех пор, пока люди не побледили от одного этого звука и не сочли это последним и самым страшным ужасом, который можно назвать ненавистным именем.

Но в настоящее время в его движении происходят гораздо более быстрые изменения в противоположном направлении, значение которых мы только начали измерять. Вот уже в течение одного года разум всей нации с большой настойчивостью был направлен к рассмотрению рабства с совершенно новой точки зрения и избавлен от облака предрассудков, которое почти столетие висело над ним. Слово "абелиционист" утратило свою тайную силу.

С этой точки зрения нынешняя позиция нашего правительства имеет неизмеримое значение. Мы с такой же вероятностью недооцениваем, как и переоцениваем события, происходящие прямо у нас на глазах. Прошло несколько недель с тех пор, как президент Линкольн тихо направил в палаты Конгресса послание на удивление прямого характера, облеченное в очень простую и домашнюю одежду, но имеющее смысл, который нельзя понять превратно, и не допускающее неправильного толкования. В нем содержалась просьба к Конгрессу просто принять решение о том, что правительство готово оказать помощь любому штату Союза, который пожелает положить конец рабству. Это было все. Но это простое послание ознаменовало целую эпоху в мировой истории, и в будущем на него будут смотреть как на одно из величайших событий этого столетия. Это было неожиданным, внезапным, так что на мгновение страна оказалась в замешательстве, но в следующий раз была готова принять это. Это быстро стало политикой правительства и народа, и, насколько нам известно, против этого не прозвучало ни единого решительного голоса. Люди еще не начали понимать всего его великого значения. В чем дело? Дело в том, что правительство этих Соединенных Штатов

считает рабство злом, желает, чтобы оно прекратилось, и сделает все возможное, чтобы положить ему конец. Впервые за всю нашу историю это оказалось правдой. Правительство никогда раньше так не говорило. Отныне его политика заключается в содействии эмансипации. Это взошедшее солнце, оно принесло день, чей великолепный свет мы еще не оценили. Отныне все ее покровительство, власть и престиж будут брошены на сторону свободы, и ни один человек не сможет точно измерить результат.

Президент своим великим поступком поднял моральное чувство нации на такую высоту, на которую иначе не смогли бы поднять годы. Это был один из тех гениальных штрихов, вдохновленных Богом, которые раз в столетие или около того меняют облик мира. Как и многие другие поступки этого поистине великого человека, это было удивительно своевременно, совершено в нужный момент, в самый разгар времени, это было не слишком рано, не было слишком поздно. Чувство и мысль людей должны были быть развиты до его восприятия и не выходили дико за пределы мудрости, момент с глубокой интуицией был распознан, схвачен, и несколькими словами-талисманами были выкристаллизованы формирующие элементы. Такими они и останутся. Все грядущее время этот народ будет с нетерпением ждать отмены рабства. Свобода - девиз Америки, свобода для всех людей.

Прошло несколько недель, но перемены уже замечательные. Атмосфера стала чище. Автор этих строк живет в рабовладельческом государстве и способен отметить изменения лучше, чем те, которые произошли в местах, более удаленных от влияния рабства. Хотя еще несколько месяцев назад ни один видный человек или класс людей не осмеливался открыто встать на платформу эмансипации, теперь в этом штате (Делавэр) формируется крупная партия, и на предстоящих выборах осенью этого года она выступит с лозунгом "Эмансипация". Клеймо, которое рабство успешно закрепило за словом "отмена рабства", уже проходит, и считать себя эмансипатором больше не опасно для репутации человека.

То, что верно в рабовладельческом государстве, будет столь же верно и повсюду на земле. Президентское слово отменяет мир софизмов и устраняет тысячи доводов против решения проблемы рабства; оно провозгласило не только целесообразной, но и возможной немедленную эмансипацию. Отмена рабства в округе Колумбия, последовавшая так быстро за посланием президента, и принятие Конгрессом его рекомендации превратили его слова в факты и демонстрации. Рабство было отменено одним словом и в одно мгновение на целой территории страны — вот факт, над которым на этой земле будут петь века. Мы даже не думаем о полутора тысячах или около того освобожденных пленников; они ничто, кроме как повод для воплощения в жизнь важного и славного факта, что это правительство на стороне свободы, и отныне ему будет дана его сила. Трудно измерить значение всего этого, так же как трудно предвидеть размах могучего течения, которое только что начало течь по новому руслу; в том, что ему суждено вымести рабство из этой страны, теперь ни у кого не может быть сомнений.

Отныне размышления на тему американского рабства будут строиться только в одном русле — как с ним покончить? Если мы хотим понять, куда нас могут продвинуть несколько недель, нам нужно только вспомнить, какова была точка зрения в отношении этого вопроса. Это было то, как не допустить распространения рабства. Мы были бы рады оставить его в живых, если бы он не порабощал другие земли, но события завели нас далеко за пределы этого, мы перестали думать об этом, теперь ни один живой человек не боится и даже не мечтает об этом, это просто навсегда исчезло из головы здравомыслящего человека. Какой прогресс был достигнут за год!

Мы поспешили пройти мимо места проведения аргументации против рабства. Мы покончили со всем этим; книги и брошюры, документы и статистические данные быстро устаревают, поскольку они сделали свое дело; нам не нужно заботиться о них для нашего будущего использования. Они нам понадобятся только как реликвии с хорошо сраженного поля боя.

Те из нас, кто всю жизнь делал все возможное, чтобы приблизить этот день, кто говорил, писал и страдал за это, в новой атмосфере, которой мы дышим, подобны людям, которые мечтают. Мы знали, что это придет, мы надеялись прожить достаточно долго, чтобы увидеть этот день. Мы видим это и рады, мы не думали увидеть это так скоро, оно пришло так внезапно, оно сияет так широко и с таким богатым обещанием, что мы признаем это днем Божьим; мы видим, как его чудотворная сила чудесным образом действует, побуждая — было ли это когда-нибудь проявлено так раньше? — гнев человека восхвалять его; мы видим, как Бог взял дело в свои руки; как он уничтожил рабство. Здесь больше, чем человеческая мудрость, и выше человеческого руководства, густая ночь не прошла бы так чудесно, если бы Он не рассеял ее, мы приветствуем свет. Это день, сотворенный Господом, мы будем радоваться и веселиться в нем.

Но, как и все Божьи дары, это требует работы и налагает ответственность, ответственность и труд пропорциональны полученному благу.

Он дал нам день, но он приносит с собой работу, о которой, возможно, мы имеем лишь поверхностное представление. Хорошо, что мы должны попытаться понять и оценить, что это за работа, ибо это не праздник, который Он дал нам. Мы просили во многих молитвах, чтобы это произошло, и, придя, мы должны увидеть, что должно быть сделано, и мужественно справиться с этим.

Легко говорить об эмансипации, но тот мыслил расплывчато и нездорово, кто не видит больших трудностей в том, чтобы довести дело до счастливого исхода; у кого в голове не возникает вопросов, заставляющих его задуматься, когда он размышляет о столь масштабных социальных изменениях в состоянии расы, насчитывающей двенадцать миллионов человек. Пусть читатель не подумает, что в цифрах допущена ошибка, мы имеем в виду двенадцать миллионов, а не четыре; действительно, предстоит освободить четыре миллиона рабов, но необходимо внести изменения в социальное положение восьми миллионов белых, которое лишь меньше, чем у черных. Радикально изменить, перестроить всю социальную структуру великого и многочисленного народа, сдвинуть фундаментные камни, убрать их и разместить другие в его дворцах, не разрушая здание и не превращая его в отвратительные руины, - это работа не неопытного или небрежного архитектора.

Гигантская война, опустошившая половину этой земли, была, как мы уже говорили, просто могучей отчаянной попыткой социального государства утвердиться; своеобразной цивилизации укрепить свою власть. Результатом войны будет полное поражение этой попытки; само начинание, ведение войны пошатнуло ее основу, ее окончание полностью уничтожит ее. Эта цивилизация, основой которой является рабство, решила рискнуть своим существованием из-за войны: она должна принять предложенную ею альтернативу и быть довольной уходом из жизни.

Война решит вопрос о рабстве, а вместе с ним изменит всю форму общества на Юге, которая на нем держится. Но одна цивилизация не может исчезнуть, оставив после себя вакуум; одно

состояние общества не может прекратиться и не иметь другого в своем дворце. В социальном мире происходят только изменения, а не новые творения; одна цивилизация уступает место другой; общество переходит из одного состояния в другое. Таким образом, мы находимся накануне грандиозных перемен, возможно, величайших из когда-либо виденных в мире. Пусть никто не воображает, что это может произойти без ужасной борьбы, мук, которые являются родовыми муками нации; то, что это будет сделано за несколько коротких месяцев, невозможно. Пока мы пишем, победы только что одержаны, великий город Юга перешел в руки нашей армии, и люди начинают предсказывать скорый крах восстания; но, увы, мы не можем радоваться такой перспективе. Великий класс, который развязал войну, чтобы сохранить свое существование, не согласится умереть таким образом; каждый элемент человеческой природы в ее падшей форме против этого. Он не уступит ничему, кроме просто непреодолимой силы, он умрет только тогда, когда его убьют. Мы признаемся, что, осматривая всю местность и взвешивая, насколько это возможно, происхождение и причины этой гигантской войны, мы испытываем чувство не уныния или неуверенности, ибо мы верим, что Бог однажды приведет ее к счастливому концу, но сердечной печали и заботы, подобно тому, как женщина испытывает печаль и предчувствие неизбежных мучений перед рождением мужчины на свет. Поднять двенадцать миллионов людей в новое, лучшее место, открыть перед ними хорошее и счастливое будущее вместо неминуемого горя и окончательного распада - это работа, стоящая слез и стонов нации, и они вполне могут позволить себе набраться терпения, пока не придет время. В настоящее время пусть сердце человека не подводит его, если горизонт темнеет и надежда, кажется, временами угасает; пусть он хорошо помнит, в чем смысл борьбы, что это не случайность, а смертельная борьба цивилизации, которой двести лет и которая основана на всех худших и сильнейших элементах человеческой природы. У него не может быть легкой смерти.

Таким образом, принимая как должное, что в общественном состоянии Юга вот-вот произойдут большие перемены, и принимая как должное, что рабство, на котором оно основано, должно рано или поздно исчезнуть под давлением действующих на него сил, - пункт, который мы сейчас не склонны рассматривать даже спорным, - возникает важный вопрос: каким будет будущее положение цветной расы на этой земле? Как решить проблему? Что делать с подчиненным? Поспешные и невнимательные люди могут найти готовые ответы, но нам кажется, что как раз сейчас нет вопроса такой большой сложности и, конечно же, нет такого важного, к которому американец мог бы обратиться сам. Мы предлагаем обсудить это в оставшейся части этой статьи. Это не тот предмет, по которому хорошо догматизировать; мы узнали, что есть место для очень широкого разнообразия мнений; самое большее, на что каждый может надеяться, - это попытаться путем обсуждения пролить свет. В конце концов, Божье Провидение совершит эту работу; мы должны быть в курсе этого Провидения, готовые принять доверие и выполнять работу, которую оно нам поручает.

Мы так долго останавливались на причинах и на том, что мы считаем истинным смыслом войны, потому что только правильно понимая их, мы можем быть готовы заняться этим великим вопросом. Те, кто стоит во главе правительства, ценят это наиболее полно, и президент в своем послании откровенно намекает, что единственная истинная надежда на прочное урегулирование наших национальных трудностей должна заключаться в окончательной эмансипации чернокожих. Но, сознавая возражения, которые должны возникнуть против освобождения четырех миллионов рабов и их пребывания в стране, он предлагает ввести

систему колонизации, с помощью которой они могут быть вывезены. Эмансипация с колонизацией на землях, предоставленных освобожденным рабам, - вот схема.

Не вдаваясь в подробности этого предложения Президента, давайте рассмотрим положение дел и зададимся вопросом: возможна ли колонизация; и если возможно; то необходима ли она или даже желательна? Под колонизацией мы подразумеваем, конечно, удаление или депортацию блоков в другую страну. Мы не имеем в виду эмиграцию; это совершенно другое дело.

Для начала мы можем спросить, имеем ли мы право высылать из страны освобожденных рабов? Как бы то ни было, это не его страна, это его дом, и по какому закону морали вы должны заставить его покинуть не только свой дом, но и дом своего отца и предков? Именно он по линии происхождения, уходящей, в большинстве случаев, далеко в прошлое от их, так бойко рассуждает о своей колонизации: и после того, как великим актом справедливости вы превратили его из движимого имущества в гражданина и дали ему страну, по какому праву вы предлагаете в то же время изгнать его из нее? Здравомыслящий человек поколеблется, прежде чем исключить из своих расчетов чувства четырех миллионов сердец. Мы думаем, что это элемент, заслуживающий некоторого внимания, и все же он полностью игнорируется большинством тех, кто говорит на эту тему. Если на этот вопрос будет дан ответ, колонизация должна быть добровольной, уезжают только те, кто сам решит уехать, нам остается только сказать, что это не истинное значение терминов и не то, что по общему согласию понимается под ними. Если подразумевается просто эмиграция, и она не является частью плана освобождения, дело радикально меняется. Но об этом позже.

У вдумчивого человека возникнет много сомнений относительно возможности депортации вольноотпущенников. Увеличение естественного прироста за один год нашего нынешнего рабского населения, шестидесяти тысяч (60 000) человек, истощило бы энергию и ресурсы нации до такой степени, что те, кто говорит об этом, не очень полно оценили бы это. И тогда остаются первоначальные 4 000 000. Тем, кто привык выступать за изгнание цветной расы из этой страны, мы рекомендуем трезвый расчет в кораблях, деньгах и времени. Это будет и интересно, и прибыльно; возможно, это подтолкнет к каким-то новым идеям по данному вопросу. Что касается нас самих, то мы можем сказать, что считаем предложение о депортации четырехмиллионной расы с ежегодным приростом в шестьдесят тысяч человек дикой мечтой, одной из самых пустых, которые может себе позволить здравомыслящий человек. История человечества никогда не знала ничего подобного; она видела эмиграцию миллионов, но отправку их - никогда.

Но, учитывая это, является ли колонизация цветной расы в этой стране желательной или необходимой? Для начала такой гигантской работы, даже если бы это было возможно, должны были быть причины, самые настоятельные, абсолютные и неотложные. Одних мнений, теорий или предрассудков будет недостаточно; требование об этом должно быть предъявлено с предельной ясностью.

Что это за причины? Нам кажется, что их нелегко продемонстрировать. Легко разглагольствовать о неполноценности расы, о невозможности их когда-либо жить наравне с белой расой, об отсутствии у них способности обеспечивать себя и тому подобное, но, в конце концов, очень трудно воспринять логическую последовательность аргументации. Неполноценность расы вряд ли может быть доказана как веская причина для ее изгнания из

присутствия высших и из-за их власти; неспособность людей заботиться о себе или возвыситься не кажется веским аргументом в пользу отправки их на новую землю и голой зависимости от их собственных ресурсов; непреодолимые предрассудки белых не сразу дают очень вескую, по крайней мере, очень справедливую причину, по которой черные должны быть изгнаны.

Мы не будем этого утверждать, но есть веские основания подозревать, что, хотя в умах, возможно, большинства тех, кто в течение нескольких последних лет был активными сторонниками плана колонизации, благо чернокожих и Африки было видным мотивом, все же оно зародилось и получило главную поддержку в том, как оно повлияло на интересы рабства. Присутствие свободных чернокожих среди рабов является элементом слабости системы, и хотя это, возможно, не признавалось открыто, все же есть слишком много оснований подозревать, что колонизация предназначалась в гораздо большей степени для них, чем для освобожденных рабов. Это был план по укреплению рабства, и он перестал вызывать сочувствие или щедрую поддержку, как только стало казаться, что он не сулит такого результата.

Задаваясь вопросом о причинах колонизации, мы опасаемся, что, когда аргумент будет выдвинут, окажется, что он исчерпывает, если и касается чего-либо существенного, то выгоды, которую он принесет черной расе. Не вдаваясь в подробности этого аргумента, который, действительно, мы не претендуем на ясное понимание, мы можем сказать, что существует, по крайней мере, предварительный вопрос: нельзя ли лучше достичь этой цели без колонизации, чем с ее помощью? Разве невозможно лучше возвысить цветную расу и приносить пользу ей, чем в любой другой стране, куда они могут быть отправлены?

Но мы пишем хладнокровно, как будто это открытый вопрос, останутся ли четыре миллиона чернокожих в этой стране на долгие годы вперед или нет. Это не открытый вопрос. Они здесь, и здесь они должны оставаться в течение периода, который ни один человек не в состоянии ограничить, даже в своих аргументах. Они не могут, или, мягко говоря, их не перевезут через море или в какую-либо другую страну. В конечном итоге, как мы попытаемся предположить, они могут уехать, но их нельзя отослать. В этом утверждении мы оставляем за скобками склонности и волю черного человека. Есть причины, которые должны действовать на стороне белого, чтобы сделать это невозможным. Цветная раса необходима и будет таковой в течение неопределенно долгого периода для южной страны. Она составляет ее труд; это производительная сила этой страны; так было последние двести лет. Это основополагающий элемент всего социального государства. Итак, какой силой будет осуществлено быстрое изъятие всего труда из страны? Как может быть внезапно изъят весь производящий элемент? Если бы это было возможно сделать, все государство сразу погрузилось бы в нищету и разорение. Один или два раза в исторические времена был предпринят эксперимент по изгнанию или уничтожению производящего элемента государства, и хотя он проводился в сравнительно небольших масштабах, результат достаточно заметен, чтобы со временем научить всех. Испания сделала это, когда изгнала мавров со своих кастильских земель. Франция сделала это, когда убила и изгнала гугенотов, и по прошествии двух и трех столетий они оба едва оправились от потрясения и разрухи.

Но нам нет необходимости тратить время на обсуждение этого вопроса. Как бы кто-то ни считал желательной колонизацию всей цветной расы, все равно она останется невозможной; существуют природные и экономические силы, которые были бы всемогущи, чтобы

предотвратить это. Они нужны здесь, а там, где нужна раса, там, в эту эпоху мира, она будет существовать. Есть работа, которую нужно сделать; они могут это сделать, они это сделали; в настоящее время нет никого другого, кто мог бы занять их место, и поэтому сила, стоящая над желаниями, предрассудками или аргументами, удерживает их здесь — сила экономической необходимости.

Цветная раса здесь, она останется здесь надолго; она не будет — события, сбивающие нас с толку своим стремительным ходом, указывают в одну сторону — она не останется в рабстве; она будет и должна постепенно стать свободной. Мы, как американский народ, должны принять эту двойную истину со всеми ее трудностями и замешательствами; мы должны, как люди, в страхе Божьем и со многими мольбами о его помощи мужественно справляться с ней. Нам не нужно сейчас возвращаться назад и стоять, вздыхая о прошлом и оплакивая то, что столетие назад мы не встретились с ним лицом к лицу и не избежали великой работы и печали сегодняшнего дня; мы больше не можем откладывать это в долгий ящик; великие вопросы встают перед нами с угрозой на челе; они требуют ответа, и они получают его сегодня. Никакая схема депортации или колонизации не откроет легкую дверь для побега; пусть никто не утешает себя тем, что вопрос эмансипации может быть решен таким коротким и простым процессом; здесь, на этом континенте, в границах этих государств, рабство сделало свое дело, и именно здесь свобода должна одержать свой величайший и славнейший триумф. Это американское государство дало несколько примеров истории, оно продемонстрировало силу свободных институтов для белых, оно демонстрирует сегодняшний день самым запоминающимся, и стоит ли надеяться, что оно еще подарит миру более славную, потому что более трудную демонстрацию той же силы в черной расе? Что, если оно останется, ибо, завершив свою работу для одного, оно увенчает ее в другом, освободив его от глубочайшего рабства, и самопожертвованием и тяжелым трудом сделает его благословением для мира! Так что мы верим, что это еще произойдет. Путь сейчас неясен; люди не видят своей работы; но мало-помалу она сама собой предстанет перед ними, и они обратятся к ней, привнося всю ожившую силу, которая выделяет их среди народов, и, под руководством Бога, они завершат ее.

Как это должно быть сделано, мы не считаем себя компетентными рассказывать, и попытка указать на это не была целью этой статьи. Возможно, ни один мужчина не подходит для этого. Мы верим, что Божье провидение укажет нам путь, а события будут торопить нас, если мы будем готовы следовать им в правильном направлении работы.

Однако можно сказать кое-что, что, возможно, прольет некоторый свет на предполагаемые трудности, связанные с вопросом эмансипации без колонизации. Мы думаем, что эти трудности во многих случаях возникают из-за ошибочной оценки характера и способностей негров.

В наши намерения не входит затрагивать вопрос о неполноценности расы или невозможности ее когда-либо жить наравне с белыми; хотя мы не готовы согласиться с первым, конечно, не в той степени, в какой на это настаивают, мы склонны верить второму. Сомнительно, мы склонны считать это невозможным, что две расы когда-либо смогут на этом континенте жить на условиях социального равенства. Мы тоже склонны полагать, что этой стране не суждено стать окончательным домом для цветной расы. Она уйдет из нее. Мы думаем, что в характере африканской расы есть нечто такое, что делает это вероятным, возможно, несомненным. В результате странных действий Божественного Провидения эта раса чудесным образом была перенесена на эту землю и поставлена под опеку для великого будущего, и чтобы Африка, ее

дом, могла стать получателем благословения, основание и подготовка к которому были сделаны в этой стране.

Порабощение израильтян в Египте было не случайностью, а божественно упорядоченной процедурой, которая оказала поразительное влияние на характер еврея и сформировала всю его последующую историю. Это была подготовительная работа, и она не была выполнена за короткое время, но потребовалось два или три столетия, чтобы довести ее до совершенства. Американское рабство, как и египетское, окажет свое влияние на будущее Африки.

Говоря это, конечно, ни один читатель не подумает, что в этой мысли содержится оправдание рабства, так же как, говоря о великих выгодах, которые принесло евреям египетское рабство, мы оправдываем продажу Иосифа или тиранию фараона. Это чудесная работа Бога - извлекать величайшее благо из глубочайшего зла; Грехопадение завершается Искушением.

Невозможно обсуждать будущее чернокожего населения в этой стране, не соприкоснувшись непосредственно с будущим Африки. Одно тесно связано с другим. Движения Провидения синхронны. Как чудесно подготавливаются события в отдаленных местах, чтобы они могли сойтись в назначенный момент! Мы думаем, что тот факт, что как раз в то время, когда великие и захватывающие вопросы, касающиеся этого народа на нашей собственной земле, привлекают наше внимание, Африканский континент привлекает больше интереса к открытиям и путешествиям, чем любая другая часть земли, имеет значение.

Географические исследования почти исчерпали другие земли, в то время как здесь почти целый континент, по крайней мере, в течение нескольких лет, оставался неисследованным. Это произошло не потому, что не было предпринято никаких усилий, чтобы прорваться сквозь густую завесу, которая всегда нависала над этим. Путешественники неустанно пытались проникнуть внутрь страны и терпели неудачу не из-за недостатка энергии, а из-за непреодолимых трудностей на пути. Если им удавалось достичь берегов, они умирали от смертельной береговой лихорадки. Если они и избегали этой смерти и продвигались вглубь страны, то только для того, чтобы стать жертвами диких зверей или еще более диких людей. Так что исследование Африки, возможно, до последних пятнадцати лет было историей печальных катастроф и жертв ценными жизнями.

В последнее время новый и заметный успех увенчал усилия, направленные на то, чтобы открыть этот континент для познания мира.

То, что было достигнуто, удивит любого, чье внимание ранее не привлекалось к фактам дела. Пусть читатель возьмет хорошо подготовленную карту сегодняшнего дня и сравнит ее с той, по которой он изучал свои уроки двадцать лет назад. Он вспомнит, насколько простой и запоминающейся была информация, которую должен был передать этот широкий и светло окрашенный трек с надписью "Неизведанные регионы". Он охватывал большую часть всего континента. Но на это посягали год за годом: на Юге - Ливингстон и Камминг, на Севере - Барт, на Востоке - Бартон, а на Западе - Уилсон и Дю Шайю, пока открытия почти не соприкоснулись друг с другом. Было показано, что на обширных пространствах протяженностью в тысячи миль, которые до сих пор в мыслях людей были обречены на вечное опустошение и засуху, находятся обширные внутренние моря, глубокие судоходные реки и изобилуют животным миром, населены людьми и хранят все продукты тропической роскоши. Итак, Африка начинает

познаваться; мало-помалу она будет открыта, подготовлена, как мы думаем, к тому, чтобы связать свою историю с народом по другую сторону океана.

Оставляя доказанным тот факт, что чернокожие должны остаться в этой стране, по крайней мере, на неопределенный период (мы не утверждаем, что это будет навсегда, но об этом мы поговорим в другом месте), мы, естественно, задаемся вопросом, есть ли в африканском характере что-либо, что возможно для будущего прогресса и возвышения. Мы отвечаем без колебаний: существуют природные характеристики, которые очень заметным и своеобразным образом будут способствовать их более быстрому росту.

К несчастью, если это можно так назвать, африканского континента и африканского народа, они первыми демонстрируют свои худшие и наиболее отталкивающие стороны. Так обстоит дело со страной. Побережье, к которому подходит путешественник, по большей части лежит низко, и повсюду в его изобилующих низинах таятся болезни и смерть. Если он избегает одного, он никогда не избегнет другого. "Африканская лихорадка" на западном побережье - это несомненный прием для новичка, вопрос только в том, переживет ли он ее. Случайное упоминание путешественника-миссионера Ливингстона о своем тридцать седьмом приступе лихорадки, а Дю Шайю - о своем пятидесятом, а также истощение последних четырнадцати унций хинина, которые он принял в своем путешествии, зловеще свидетельствуют о негостеприимном приеме, оказанном этой страной. Но как только путешественник проходит вглубь страны, он попадает в совершенно другой регион. Высокие горы, покрытые снежными шапками и лесами, возвышаются перед ним, и вниз по их перевалам дуют целебные и бодрящие ветры, повсюду появляются широкие поля, уже полные невозделанных плодов, или покрытые травой и кустарником участки, которые природа, кажется, ликует, наполняя животным миром в его самых красивых, а также гигантских и свирепых формах. Хотя поначалу может показаться, что это континент, способный мало что сделать для мира или вообще ничего не делающий, годный только на то, чтобы дать, как в прошлом, немного индиго, слоновой кости и пальмового масла, доставляемых на спинах деградировавших туземцев к побережью, мы обнаруживаем, что на самом деле это континент, уже самостоятельно производящий урожай хлопка и сахара, а также некоторые из продуктов, наиболее необходимых человеку, и только нуждающийся в том развитии, которое христианская цивилизация может дать, но никогда не давала, чтобы вызвать у него самую тесную симпатию и навсегда к остальному миру.

То, что верно для Африканского континента, было совершенно верно и для людей. Мир всегда видел африканскую расу в ее низшей форме. Это кажется верным еще во времена египетских монументалов. Когда смотришь на копии древних гикроглифат, поражаешься деградировавшему типу негритянских черт, который всегда появляется при описании этих плененных людей. Африканской расе, по-видимому, было суждено всегда быть представленной рабом, и, как это было неизбежно, о ней судили по увиденному примеру. Но исследования путешественников в последнее время заставили нас пересмотреть многие, если не все эти концепции. Африка, действительно, дает нам, возможно, низшие типы человечества в лице бушменов * или готтентотов, однако исследования путешественников также показали, что это не настоящие и нормальные образцы африканского происхождения.

* Даже репутация этих бушменов, похоже, пострадала от их наблюдателей. "Те, кто населяет, - говорит Ливингстон, - жаркие песчаные равнины пустыни, обычно обладают худыми, жилистыми формами, способными к большим нагрузкам и суровым лишениям. Многие из них

невысокого роста, но не карликовые; экземпляры, привезенные в Европу, были отобраны, подобно собакам костерщиков, из-за их крайнего уродства; следовательно, представления англичан обо всем племени сформированы таким же образом, как если бы самые уродливые экземпляры англичан выставлялись в Африке как характерные для всей британской нации".

Легко видеть, что какой бы африканский характер ни оценивался по меркам африканского раба, суждение обязательно должно быть ошибочным. По природе вещей, лучшие племена - это не те, из которых делают рабов. Смелее, энергичнее и умнее те, кто делает рабов. Войны и завоевания - плодотворные источники рабства; они были во все века, в каждой стране, и таковыми являются сегодня в Африке. Но более способные племена - это воины и завоеватели, в то время как более слабые и низшие - это пленники. Таким образом, с самого начала раб заявляет фактом своего рабства о своей неполноценности по происхождению.

К этому мы также должны добавить довольно хорошо известный факт, что самые бедные из этих пленников - это те, кто попал в руки работорговца на побережье, в то время как более обеспеченные и умные предназначены для службы своим похитителям. Таким образом, при таком дальнейшем сокращении вы имеете в виду африканца, когда он попадает на невольничий корабль, низший образец низшего типа своего народа. Но именно они были представителями африканской расы, и не только неудивительно, но и совершенно естественно, что была сделана ложная оценка всей негритянской семьи.

То, что мы могли бы предположить, исследования недавних путешественников показывают, что это действительно так. В рамках одной статьи, подобной этой, конечно, невозможно пересечь всю территорию. Мы могли бы, однако, сослаться на кафри на юге, недалеко от регионов, где обитают готтентоты, раса стойких и благородных людей, у которых хватило умения и храбрости противостоять мощи голландцев и даже вести решительную войну с самой английской державой. К востоку от них доктор Линдли, один из миссионеров Американского Совета уполномоченных по иностранным миссиям, обнаружил племена, среди которых он прожил четверть века и которые, по его словам, физически не уступают ни одной расе, причем мужчины в некоторых районах достигают в среднем почти шести футов роста. "Их можно было бы назвать глупыми", - говорит Ливингстон (стр. 21), говоря о баквейнах, народе, с которым он был тесно связан в Южной Африке, в "вопросах, которые не входили в сферу их собственного наблюдения, но в других вещах они проявляли больше ума, чем можно встретить у наших необразованных крестьян". Двое миссионеров Американского совета, господа Дж. Престон и Адамс, рассказывая ("Вестник миссионеров", 1856) о посещении пангвисов, очень многочисленного племени людей, живущих прямо под Экватором и дальше от побережья, и которые другие авторы описывают как во всех отношениях превосходящую расу, рассказывают нам о туземцах, которых они видели из мест, расположенных еще дальше вглубь материка, "о которых мы слышали, но пока не могли добраться". "Разнообразие, - говорят они, - представленного нам цвета лица было настоящим предметом любопытства. Некоторые были черными как смоль, других с их косами из мягких черных волос длиной в полтора-два фута можно было легко принять за четвероногих." В Новой американской энциклопедии, посвященной мандинго, западноафриканской расе, говорится: "Они отличаются трудолюбием и энергией. В основном они мусульмане. Основная торговля той части Западной Африки, которая лежит между экватором и великой пустыней, находится в их руках. Они не только активные и проникательные торговцы, но и трудолюбивые земледельцы и заводчики хорошего поголовья крупного рогатого скота, овец и коз. Они черного цвета, высокие, хорошо сложенные, с правильными чертами

лица и пушистыми волосами. По характеру они дружелюбны, гостеприимны, наделены богатым воображением, доверчивы, правдивы, любят музыку, танцы и поэзию. Они предприимчивые путешественники, совершающие свои коммерческие поездки по большей части Африки. Мандинго - самая многочисленная раса Западной Африки, они распространились на большое расстояние от своего первоначального места обитания, их можно встретить по всем долинам Гамбии, Сенегала и Нигера." Подобные цитаты и свидетельства могли бы быть умножены, если бы это было необходимо, но приведено достаточно, чтобы продемонстрировать тот факт, что в Африке существуют высшие расы людей, что это даже характерные расы континента. Каждое новое открытие демонстрирует это все более отчетливо. Негр, каким его видели у рабов, перевозимых в другие страны, не является истинным типом африканского человека, но континент населен расами, способными к высоким достижениям и неопределенной цивилизации.

Хотя негр этой страны, возможно, и не принадлежит к лучшим расам Африки, все же он не принадлежит к худшим, и, как мы еще будем иметь случай отметить, на него оказали влияние как раса, так и характер, которые с лихвой компенсируют любую возможную неполноценность происхождения. Мы можем справедливо оценить коренного африканца, поскольку находим его в лучшем состоянии у себя дома, и на этом строить представление о будущем африканца здесь.

Африканский характер имеет свои заметные и отличительные особенности. Он тропический. В нем есть страсть, глубокая и всепроникающая, дремлющая в округлых формах и глубоких мечтательных глазах. Он пластичен, готов воспринимать отпечатки и придавать им форму. Он не обладает жесткими, агрессивными чертами характера племен Северной Европы; он не стремится путем завоеваний расширить свою власть или придать другим народам свой облик. Он приспособлен скорее получать, чем отдавать. Следовательно, он по сути своей имитационный. Отсюда проистекает быстрота, с которой под благоприятным влиянием африканцы развивают цивилизацию. Везде, где эти влияния многочисленны и достаточно сильны, чтобы быть наиболее заметными, негр поддается им с поразительной быстротой.

Пожалуй, нет ни одной расы, которая с такой готовностью и полностью отказалась бы от старых привычек и ассоциаций. Мы не находим гранитных образований характера, лежащих в основе расы, подобных тем, которые встречаются у племен и народностей Азии. Сравните, например, пластическую подвижность пангвиников и баквейнов с жесткостью индусов или китайцев. Или, если случай можно увидеть еще более поразительным образом, сравните африканского негра с американским индейцем; возьмите одного из его тропических дебрей, другого - из его лесной родины, и поместите их обоих под одно и то же цивилизующее влияние, и где по истечении определенного периода времени вы их найдете? В одном поколении один почти на вашей стороне, другой все еще просто дикарь.

Быстрый рост негритянской расы на островах Вест-Индии, Ямайке, например, после освобождения их британским правительством, является очень яркой иллюстрацией, хотя времени было слишком мало, чтобы показать это в полной мере. Принимая все факты в том виде, в каком они нам представлены, мы обнаруживаем, что народ почти сразу поднимается (ибо тридцать лет обычно ничего не значат в жизни народа) из варварства рабства в нацию, поддерживающую себя, самоуправляющуюся в значительной степени, моральную и религиозную, не в высшей степени, конечно, но все же удивительно развитую. * Мы считаем, что этому нет аналогов.

* См. книгу Сьюэлла "Вест-Индия, или испытание свободным трудом на островах Британской Вест-Индии", в которой представлен явно беспристрастный взгляд на состояние этих островов. Внимательное рассмотрение его заявлений значительно облегчило бы решение вопроса об освобождении от некоторых трудностей, которыми, как многим кажется, оно окружено. "Эти люди, - замечает он, - которые живут комфортно и независимо, владеют домами и акциями, платят налоги и голоса избирателей, а также вкладывают свои деньги в строительство церквей, - это те же самые люди, которых, как мы слышали, изображали праздными, никчемными людьми, упрямо выступающими против работы и готовыми прожить на апельсине или банане, вместо того чтобы зарабатывать на хлеб насущный".

Наряду с этой пластичной покорностью у африканца есть и другая, которая на первый взгляд кажется вопиюще противоречивой: эта раса обладает особой способностью к постоянству сопротивления. Говорят, и, вероятно, это правда, что ни одна раса никогда не была способна выдержать тесный контакт с англосаксами. Всегда следовал один из двух результатов; — либо она была поглощена и потеряна, как река в океане, либо она пошла ко дну и была сметена. Но эта раса не была ни поглощена, ни уничтожена. Он вырос под самыми неблагоприятными влияниями и утверждает себя во всех своих характерных чертах под чужеземным небом по прошествии двух столетий. Негр Америки по-прежнему остается настоящим африканцем.

Эта раса не сильно смешалась с другими расами. Мы склонны полагать, что это скорее характерная черта этого народа - не стремиться к слиянию с другим народом, его тенденция - оставаться обособленным. Действительно, мы прекрасно понимаем, что это в корне противоречит взглядам многих, кто строил свое мнение на популярных утверждениях и предрассудках, а не на наблюдаемых фактах. Предполагается, что негр желает смешать свою кровь с кровью представителей белой расы. Фактом является обратное. Существует, хотя некоторым это может показаться необъяснимым, определенная расовая гордость, которая заставляет негра радоваться чистоте своей крови и считать посторонний элемент в ней не только нежелательным, но даже предосудительным. Это чувство присуще не только негру на его собственном континенте; оно сохраняется, возможно, усиливается в окружении другого народа. Среди них в этой стране чистокровный негр будет с едким сарказмом насмехаться над мулатом по поводу того, что в его жилах течет кровь другой расы.

Это чувство, которое должно было быть замечено любым человеком, чьи наблюдения были обширны или достаточно умны, чтобы собрать факты, заставляет расу оставаться самой по себе; и когда ее пускают в естественное русло, таков результат. Статистика этой страны показывает, что свободные черные не смешиваются и не могут смешиваться с белой расой. Никакое возвышение или свобода не могут вызвать такого смешения. То тут, то там, но так редко, что это, возможно, единичный случай только в широко разделенных сообществах, имеют место межличностные браки. Это кажущееся отсутствие склонностей, в сочетании с естественным и непреодолимым отвращением со стороны белых, должно всегда разделять две расы, когда они находятся на равных основаниях свободы.

Часто повторяющийся аргумент против эмансипации, основанный на представлении о том, что за ним обязательно последует объединение, является продуктом величайшего невежества и легкомыслия, в то время как в то же время он выдает постыдное недоверие к самой белой расе. Это, конечно, не говорит о великой силе или стабильности народа, когда он не в состоянии удержать себя от смешения с заведомо низшей расой. Но факты указывают в совершенно ином

направлении: свобода, способствующая такому смешению, настолько далека от него, что единственное условие, в котором смешиваются эти две расы, - это когда негр находится в состоянии рабства. Здесь процесс протекает свободно и под действием естественных причин. Влияния, которые с обеих сторон при других обстоятельствах делают это невозможным, здесь становятся неэффективными и преодолеваются другими, более мощными. Тесная близость, начинающаяся с младенчества и распространяющаяся на всю жизнь, разрушающая то, что при других обстоятельствах могло бы показаться естественным разделением; рабское желание угодить со стороны рабыни, похоть и алчность со стороны хозяина - все это в совокупности заставляет кровь двух рас течь в одних венах. Рабство - источник объединения. Мулат и квадрун безошибочно расскажут вам о настоящем или бывшем рабстве.

При такой гибкой податливости и постоянстве расы есть еще одна поразительная черта — привязанность негра к месту. Вероятно, это естественная черта, но по легко воспринимаемым причинам она, возможно, усиливается в случае американского негра. Он любит свой дом и редко покидает его добровольно, будь то раб или свободный. Число беглецов из рабства было бы чудовищно увеличено, если бы это чувство было легче преодолеть. Многие бедные рабы возвращались к рабству, когда им навязывали тяжелую альтернативу: остаться в нем или навсегда уехать из знакомых и дорогих мест дома своего детства. Необходимость, едва ли менее могущественная, чем смерть, заставляет его оставить их позади.

Усилия, предпринятые филантропией для содействия их колонизации, столкнулись здесь с непреодолимым препятствием и будут вынуждены более или менее безуспешно бороться с ним до тех пор, пока у чернокожих не наберется достаточно сил и образования, чтобы подняться над этим.

Среди многих возражений, выдвигавшихся против эмансипации, это было очень распространенным и имело большую силу в массовом сознании; это наводнит Северные Штаты свободными неграми. Это возражение вульгарно и необдуманно. Если бы простого экономического закона спроса и предложения, столь же могущественного над людьми, как и над материалами, было недостаточно, чтобы удержать этих людей там, где они нужны, и помешать им отправиться туда, где их нет, любовь к дому была бы достаточно сильна, чтобы воспрепятствовать такому результату. Раб нуждается во всех могучих стимулах возможного освобождения от рабства, чтобы побудить его покинуть место своего рождения, и даже этого часто бывает достаточно; почему же тогда, когда у него в руках это благо и он ходит по старым местам свободным человеком, работа которого вознаграждена и ее достаточно, почему он должен сейчас уезжать в чужие страны? Нет, штаты, которые подло и позорно приняли свои законы, исключая освободенных чернокожих из дома в пределах своих границ, могли бы избавить себя от позора. Страшная катастрофа никогда бы не произошла. Эти законодательные акты были допущением беспричинного позора.

Эффект освобождения будет обратным этому страху. Вместо освобожденных рабов, устремляющихся на север, свободные чернокожие Севера будут постепенно уходить на Юг; вместо того, чтобы Северные штаты были наводнены одним, они со временем будут лишены другого. С отменой рабства черный, естественно, направит свои стопы в регион, где климат, подходящие занятия, привычки, связи - все это приветствуется им. он уйдет от людей, которые его не понимают и чьи предрассудки подавляют его, чтобы быть рядом с людьми, которые выросли вместе с ним, которые знают его и лучше способны сделать ему добро. Эта

консолидация расы в одной части земли окажет важное влияние на ее будущее. Только эмансипация полностью осуществит это.

Переходя к этим характеристикам, общим для расы как в Африке, так и в нашей стране, давайте рассмотрим другие, к которым добавилось проживание негра в Америке. Они знаменательны и важны. Пребывание еврейского народа в течение примерно двухсот лет в Египте оказало определяющее влияние на весь национальный характер и судьбу. Еврей никогда бы не стал тем человеком, которым он был, и у него не было бы заgrabной истории, если бы он не знал рабства в стране фараонов. Итак, мы думаем, что негр во все грядущее время будет человеком, существенно отличающимся от других из-за этих двухсот лет рабства в Америке. * И это не будет временным или ограниченным эффектом; вероятно, это повлияет на всю историю расы на ее родном континенте. В будущем Африка будет оглядываться на рабство в Америке во многом так же, как еврей на свое египетское рабство, и сможет проследить чудотворную силу Божественного Провидения в результатах, которые оно принесло.

* Есть несколько любопытных аналогий между рабством в Египте и в Америке. Кажется, что рабству в этой стране вот-вот придет конец после почти такого же периода существования. Насколько позволяют установить точные расчеты, рабство в Египте длилось более двухсот лет, и примерно столько же времени прошло с тех пор, как голландцы высадили первый груз африканских рабов в Джеймстауне в 1620 году. Евреи ушли внезапно, под давлением страшных судебных решений. Будет ли так в Америке?

Как ни странно, одним из заметных последствий проживания чернокожих в этой стране стало привнесение нового и чуждого элемента в умственную и физическую структуру негров. Это привело к смешению крови с высшей расой. Естественным следствием рабства было вливание лучшей крови хозяина в вены раба. Этому факту, возможно, не уделили того внимания, которого он заслуживает как оказавший влияние на будущее негритянской расы. Мы говорим об этом не с сарказмом или упреком, а как о чем-то, что, хотя это нельзя скрыть или отрицать, не следует упускать из виду. Этого не может быть, когда речь идет о грядущей истории этого народа.

Смешение рас было обширным; настолько, что во многих местах чистокровные негры составляют меньшинство от всего цветного населения. Здесь не место делать какие-либо пространственные наблюдения над интеллектуальными и физиологическими эффектами объединения различных рас в одном и том же народе, чтобы поднять его настроение и придать ему характер. Факты очень хорошо известны. Мы можем видеть, что в рассматриваемом нами случае эти эффекты будут иметь тот же общий характер.

В новом общественном порядке, который возникнет после отмены рабства, такое смешение рас будет происходить все реже и реже, но то, что уже произошло, будет иметь тенденцию значительно ускорить возвышение и продвижение черных. Энергия, огонь и активность, изобретательность и упорство англосакса в сочетании с пластичной покорностью африканца представляют собой странное сочетание, но такое, которое можно наблюдать каждый день, и которое, когда его раскрепостят и позволят проявить свою безудержную мощь, будет иметь неизмеримую ценность. Из мулата получается очень плохой раб, поскольку англосаксонская кровь никогда не должна течь в жилах добровольного раба, но он станет благородным вольноотпущенником.

Это не обязательно должно быть постоянное смешение рас. Этого не будет, когда исчезнет рабство, и это хорошо. Физически мулаты - народ немощный, и им, как правило, суждена ранняя смерть; они также не отличаются плодovitостью. В силу чисто естественных причин, со временем они почти полностью исчезнут. Неподвижность расы утвердится. Но тем временем они выполняют свою работу по содействию возвышению своих собратьев. Это сила, переданная для особого случая. странно дано, но не напрасно. Это добыча, отнятая у врага, один из чудесных примеров, когда человеческие страсти и преступления помогают человеческому прогрессу; это кровь господина, отданная для того, чтобы постепенно сделать раба более совершенным мужчиной.

Наряду с этим переливанием родословной у части цветного населения, фактический контакт целого с белой расой является еще одним фактом, к которому следует относиться внимательно. Этот в остальном изолированный народ, изолированный не только континентальным разделением, но и цветом кожи от остальной человеческой семьи, был поставлен в максимально тесные отношения с одним из выдающихся людей мира. Они были введены в семьи, став частью домашнего хозяйства; в определенной степени попали под влияние цивилизации и просвещения этой белой расы. На таких восприимчивых людей, которые так легко воспринимают впечатления и так полно ими формируются, это общение не может не оказывать неизмеримого влияния, ускоряя их возвышение всякий раз, когда наступает время свободы.

В состоянии рабства, хотя эти влияния проявляются и их сила дана, все же это должна быть более или менее скрытая сила. Рабство не дает возможности для ее проявления. Это все равно что бросать электрические искры в лейденскую банку; может показаться, что когда они вспыхивают и исчезают, вся энергия теряется, но когда выполняются надлежащие условия, невидимая сила, медленно собираясь, проявляет себя с потрясающей энергией. Когда свобода дает американским неграм импульс и возможность для продвижения, велика вероятность того, что они подадут пример быстрого возвышения, какого мир никогда не видел. Элементы, которые действовали в них и вокруг них, таковы, что никогда раньше не сочетались ни в одном народе. Факты, если вдумчиво их рассмотреть, не только своеобразны, но и удивительны. Вот подражательный и пластичный народ, живущий в самых тесных связях с просвещенной, энергичной расой, окруженный светом цивилизации, образования, искусства, науки; просто невозможно, чтобы они в какой-то степени не приобщились к этим великим благам. Они могут казаться исключенными из них всех, но тонкая сила присутствует в то время, когда она выходит вперед, и безмолвно откладывает себя в запас, чтобы мало-помалу проявиться в их внезапном развитии.

Но помимо всего прочего, негритянская раса в Америке - это христианская раса. Здесь четыре миллиона христиан. Мы имеем в виду, конечно, христианство в отличие от любой другой формы религиозной веры. Перед этим фактом мы можем стоять в безмолвном изумлении и восхищении процессами великого Божьего провидения. Если где-нибудь на земле ночь язычества темна, а тьма осязаема, так это в родном доме негра. И все же здесь миллионы представителей одной и той же расы, с большой отчетливостью сохраняющих свои особые характеристики, но при этом во всех существенных аспектах являющихся христианским народом, бесконечно превосходящим своих братьев на их первоначальном месте жительства. Контраст в этом отношении между расой здесь и там просто неизмерим. Они были вырваны из мрака

идолопоклонства и в течение двух столетий воспитывались в свете продвинутого христианства, так что язычество почти исчезло из их традиций.

Все эти великие результаты были вызваны рабством, порожденным алчностью и источником бесчисленных преступлений! Пожалуй, нигде в истории человечества нет более поразительного примера Божьей силы заставить порочность человека прославить его имя.

Итак, перед нами христианский народ, с очень большим количеством суеверий, с очень большим невежеством, с, можно сказать, низким типом набожности, но все же, в конце концов, христианский народ. Они в большей степени протестантский народ. Романизм никогда не оказывал на них здесь сколько-нибудь широкого влияния. * Не можем ли мы сказать, что в том, что эти четыре миллиона чернокожих являются протестантским христианским народом, есть элемент безграничного обещания?

* В этой связи очень поразительно, что романизм никогда не добивался никакого прогресса и не добивался постоянного успеха в Африке. На Севере, где преобладает магометанство (см. Барта), оно отвергается из-за его предполагаемой склонности к политеизму, а в других частях континента различные причины помешали ему укорениться. Действительно, Западная Африка представляет собой самый поразительный пример полной неспособности римской религии принести пользу языческому народу. Более двух столетий португальцы владели королевством в Конго, и какое-то время оно было могущественным и обладало обширным влиянием. С его помощью папство стремилось утвердиться. "Это была работа, - говорит Уилсон (Священная библиотека, январь 1852 г.), - над которой сменявшие друг друга миссионеры трудились с неутомимым усердием в течение двух столетий. Среди них были одни из самых образованных и способнейших людей, которых Рим когда-либо посылал в языческий мир. Это было дело, которое всегда было близко к сердцу королей Португалии, когда эта нация находилась на пике своего могущества и богатства. И все же еще до конца восемнадцатого века, насколько нам известно, до середины его, не только вся их прежняя цивилизация, но и почти все следы христианства исчезли с лица земли, и вся страна вернулась к глубочайшему невежеству и язычеству, а также к большей слабости и бедности, чем когда-либо испытывала даже до его открытия". С континентом, чудесным образом защищенным от романизма там, и народом, защищенным от него здесь, разве мы не можем увидеть божественную адаптацию к будущему, указание пальцем на какой-то сигнал, полезный для церкви и мира?

Если мы объединим эти характеристики и факты в отношении негритянской расы, на которые мы сейчас указали, то получим следующее: — Вот нация с хорошими умственными способностями, особенно самобытная и, по-видимому, обреченная оставаться таковой, но послушная и готовая воспринять впечатление от всех окружающих их влияний, приведенная не только в самый тесный контакт с одной из первых рас мира, но фактически получающая переливание своей лучшей крови, ставшая, по крайней мере частично, приобщенной к очень высокой цивилизации и уже обращенная в христианство в форме, в которой присутствует наименьшая доля суеверия или ошибки. Трудно ли предсказать будущее такого народа? Не абсурдно ли утверждать, что перед ним история, если и не высочайшего стиля, то все же хорошая и даже превосходная; если и не самая благородная, столь же агрессивная в своем добре по отношению к миру, то все же достаточно славная сама по себе?

Какой бы ни была конечная судьба этого народа, мы думаем, что у нас есть основания утверждать, рассматривая факты по данному делу, что, когда они избавятся от инкуба рабства и

начнут свободную карьеру, их возвышение будет чрезвычайно быстрым. Действительно, принимая во внимание все элементы прогресса, которыми они обладают, просто невозможно, чтобы было иначе.

Выражая эти мысли, давайте не будем истолкованы как утверждение того, что выгоды, о которых мы говорим, являются законными результатами рабства. Ничто не может быть дальше от наших намерений. Подменять повод причиной - очень распространенная ошибка: действительно, некоторые умы кажутся неспособными полностью осознать разницу во всем мире. Законный эффект рабства заключается в том, чтобы опустить жертву как можно ниже по шкале бытия. Чем ближе животное, тем лучше раб, таков истинный закон рабства. Рабство - это причина невежества, деградации и преступности. Это, в силу ужасной необходимости, лишает раба всех атрибутов мужественности; ни душа, ни тело ему не принадлежат; одно содержится во тьме, в то время как другое продается на развалинах. Что может система, которая запирает все человеческие знания, проникает в душу, попирая все, что составляет человека, не случайно, а в силу необходимости своего существования, что может такая система сделать для своей жертвы?

Могут быть преимущества, о которых мы сейчас говорим, которые приходят к рабу в его рабстве, но рабство их не дает. Законы, которые создают рабство, закрыли бы все, но они не могут. Несмотря ни на что, добро придет. Так было с цветной расой в этой стране. Это добро может проявиться только в состоянии свободы.

Именно здесь нам навязывается еще одна мысль, имеющая огромное значение. Это постепенное, невидимое, но могущественное накопление силы в рабе на этой земле не может продолжаться вечно, пока однажды не обретет форму. Вы не можете постоянно бросать электричество в банку; мало-помалу ее перегруженное содержимое внезапно взорвется. Пока вы можете позволить проводнику безопасно и с пользой забрать их! Никто не заботится о том, чтобы следовать в воображении туда, куда ведет его мысль. Рано или поздно освобождение должно быть дано, иначе все превратится в отвратительные руины; и никакой опыт не может точно рассчитать, когда наступит последний момент безопасности. Оно может прийти, и грохочущая молния скажет о том, что оно ушло.

В намерения этой статьи не входит говорить о том, каким образом должна быть достигнута эта свобода. Автору этой статьи кажется, что, возможно, нет проблемы, которая подходила бы к ней с трудом. Эмансипация — об этом легко говорить и декламировать, легко доказать свою правоту и показать желаемое, но как добиться этого - вот в чем труд. Это опрометчивый человек, который говорит по этому поводу очень уверенно. В том, что это должно быть осуществлено, что благополучие двух рас, интересы двух континентов и само человечество, само существование этого американского народа требуют этого, не должен сомневаться ни один мыслящий человек. Этой нации подобает взяться за эту работу и проследить, чтобы она была выполнена, и выполнена хорошо.

Однако, хотя мы пребываем в ужасе от трудностей этой работы, отраднее сознавать, что решение зависит не от нас, а от того, что Божье провидение продвигает ее вперед. События, наслаивающиеся друг на друга с быстротой, которая сбивает нас с толку, кажется, неуклонно и стремительно приближают свободу негров к ее завершению. Ни один человек не компетентен сказать, в чем будет заключаться проблема или в какую новую форму примут сами события. Некоторое время назад большинство людей стремилось к постепенному освобождению, но

сегодня все больше и больше кажется, что оковы должны быть сброшены одним ударом. Как и когда, кто скажет?

Каким бы способом это ни было сделано, мы можем ожидать одного — это не будет преднамеренными действиями людей. Великие дела Божьи совершаются не таким образом. Могут быть меньшие и сравнительно неважные, но те, которые затрагивают великие интересы и формируют историю мира, Великий Иегова берет в Свои руки и осуществляет их так чудесно, что все люди признают Его силу и "Узнают Его имя" (Ис. 52, 6). "Поэтому они узнают в тот день, что Я есть Тот, Кто говорит; вот, это Я!" Тем временем всем людям надлежит благоговейно и послушно наблюдать за движениями Его Провидения, идти в ногу с ними и смело делать каждый новый шаг. как указано, и как только это будет сделано. Конец может наступить раньше, поскольку, вероятно, он наступит гораздо легче, чем мы смели надеяться.

Принимая факт эмансипации как установленный и подлежащий реализации, и что здесь будет раса свободы, быстро развивающаяся цивилизация и просвещение, мы сталкиваемся с вопросом — должна ли эта страна стать окончательным домом для этого народа? Мы отвечаем, Нет. Мы не верим, что эти люди были привезены сюда, чтобы иметь постоянное место жительства. Они были привезены на эту землю для опеки и испытания. Еврейское рабство является примером, иллюстрирующим это. Что бы ни говорили в отношении права негров на постоянное проживание здесь, и мы были бы последними, кто стал бы оспаривать это; что бы ни говорили против предрассудка, который выталкивает их из ассоциации и в болезненную разлуку, и мы ни на минуту не стали бы оправдывать это; и все же мы придерживаемся мнения, что здесь негры не сохранятся как народ. Социальное равенство и пользование всеми правами для него почти безнадежны. Если бы на пути не было ничего другого, клеймо рабства было бы почти вечным и неискоренимым.

Он здесь не ради Америки, а ради Африки. Он здесь для обучения, которого там нельзя было получить. Когда все будет завершено, он вернется и сделает континент тем, чего он никогда не смог бы сделать без него. Когда под влиянием факторов, сформировавших его характер, он станет уверенным в себе, продвинутым христианином и будет готов и способен что-то сделать для своей расы, он вернется, чтобы сделать это.

Тогда настанет время Африки. Научные исследования, развивающаяся торговля, а вместе с ней и христианство подготовят путь, как мы видим, он сейчас прокладывается, и негритянская раса на этой земле будет возвращаться постепенно, но со все возрастающей скоростью, и путем естественной и здоровой эмиграции. Только такая эмиграция может принести постоянную и обширную пользу новой земле. Внутренняя сила его характера должна в большей или меньшей степени побуждать колониста искать новый дом. Африка должна обратиться к своему христианству и своей цивилизации, особенно к своим собственным сыновьям. Как и ко всем другим землям, которые должны быть возвышены, сила, поднимающая ее, должна исходить извне. По-видимому, Божественным Провидением предусмотрено, что новые языческие страны должны быть цивилизованы и обращены в христианство путем христианской колонизации; к ним должны перейти не коммерческие, а христианские колонии. Колонисты не должны вытеснять и уничтожать коренных жителей и не должны приходить просто как учителя, но они должны оставаться теми, чей дом должен быть там, кто как местные жители привносит в них искусство и обычаи цивилизованной и христианской жизни, и чей продолжительный пример иллюстрирует силу и преимущества той жизни, которую они приносят.

Так было по большей части в ходе событий. Ни один народ не восстает в одиночку и без посторонней помощи из состояния варварства. Ранняя история народов, у которых есть история, обычно начинается с появления колонии, будь то финикийская, кадмейская или троянская. "Религия, закон и письменность являются не местными, а экзотическими; за всю прошлую карьеру человека на земном шаре одна раса передает факел науки другой". Ни к какому народу это не должно относиться так верно, как к африканцу. Если Африка хочет возвыситься, это должно произойти за счет вливания жизни и могущества извне и за счет колоний, которые приносят с собой элементы жизни и могущества.

Колонист, который приносит это благо в Африку, должен быть африканцем. С каждым годом и каждым экспериментом это становится все более очевидным. Белый миссионер делал и продолжает делать благородную, возможно, незаменимую работу, но постоянные результаты, которые можно найти в обширных регионах, должны исходить от людей, чья раса подобна народу, среди которого они живут, и с которыми они могут свободно и выгодно смешиваться. Такая раса готовилась и будет подготовлена господствующей силой Бога в этой стране.

В настоящее время подготовительная работа не завершена. Некоторые из них были частично готовы, некоторые, пригодные для работы, уехали и своим успехом на западном побережье Африки показали, на что способны эти люди. Начало было положено, но в ближайшее время у него должна быть новая отправная точка. Либерийская колония или любая другая, которая будет создана, должна подняться из положения далекого места, в которое человек сослан, и стать привлекательным местом, которое зовет и к которому побуждают мужественная энергия и независимость.

Посылать только деградировавших и с низким интеллектом - это не метод возвышения и облагораживания новой земли. Ручей не поднимется выше фонтана, и раб, хотя и свободный, не может сразу стать по-настоящему уверенным в себе человеком, и меньше всего он может быть хорошим учителем уверенности в себе и прогресса. Сначала он должен научиться сам, как можно лучше, прежде чем сможет многое сделать для других. Колонист, если он несет с собой добро, должен сначала возвыситься сам. С другой стороны, также нельзя избежать единичных и исключительных случаев продвижения и самосовершенствования со стороны их собратьев здесь.

По большей части, как легко заметить, естественно, что ушедшие до сих пор колонисты были самыми энергичными и умными. Но в грядущее время нельзя щадить всех таких людей: их пример и помощь необходимы здесь, чтобы помочь общему подъему. Но если придет время, и когда оно наступит, что под влиянием свободы цветная раса в целом достигнет той точки, которая, как мы думаем, ожидает ее в будущем, отдельные люди не будут иметь значения; эмиграция, идущая по пути торговли, а торговля по своим собственным великим законам направится в Африку, и таким образом проблема африканской колонизации и африканской истории в Америке будет решена. Все это может быть очень далеким, может пройти много лет, хотя, возможно, меньше, чем мы можем себе представить, но Великий Бог, который управляет часами и их бременем, может осуществить все это и посредством одного из тяжчайших преступлений в истории, сегодняшнего Восстания, ускорить его приход. Это будет похоже на Него - сделать преступление само по себе мстителем, и как преступление, так и месть иллюстрируют его доброту и любовь.